ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

ИМПЕРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Содержание **6 (20) 2008**

Язык и параллели: рейхс-комиссариат «Украина» возвра-щается?

Александр Семенович
КАРЕВИН

Каждую годовщину победы в Великой Отечественной войне у нас отмечают торжественно. С вывешиванием флагов, салютами, демонстрацией по телевидению фильмов и передач на соответствующую тему и т.д. Не упускают возможности попиариться на празднике и политические лидеры страны. 9 Мая нет недостатка в красивых речах, добрых словах в адрес ветеранов, напоминаниях о жертвах, принесенных Украиной на алтарь победы над фашизмом. А в то же самое время последствия этой победы усердно и методично ликвидируются теми же политическими лидерами. Происходящее ныне в нашей стране разительно напоминает годы немецкой оккупации. Судите сами.

Политика гитлеровцев на захваченной территории СССР изначально отличалась воинствующей русофобией. В частности, в созданном на большей части Украинской ССР рейхскомиссариате «Украина» (его возглавил Эрик Кох) оккупационные власти делали все возможное для натравливания украинцев на великорусов. С этой целью имперское министерство оккупированных восточных территорий (ему был подчинен рейхскомиссариат) озаботилось развитием у украинского населения «национального сознания». Специалисты министерства рекомендовали использовать для этого такие способы, как возрождение (пусть и в бутафорской форме) украинского казачества, утверждение культа гетманов, особенно — Ивана Мазепы, а также спекуляцию на трагических страницах истории, например, на голоде 1932–1933 годов, который следовало изображать, как преступление большевистской России против Украины. (Ничего не напоминает?)

Для спекуляции на реальных и вымышленных преступлениях коммунистического режима оккупантами был организован в Киеве так называемый «Музей-архив Переходного периода», а в Харькове открыта выставка «Украина под большевистским ярмом». (Уж не от этих ли попыток берет начало идея создания «Музея советской оккупации», озвученная не так давно одним очень известным политическим деятелем?)

Энергично велась соответствующая пропаганда и в оккупационных СМИ. Причем громче всех разоблачали большевистский режим те литераторы, журналисты, историки, которые до войны специализировались на восхвалении того же режима. Подключились к пропагандистской работе и члены общества «Просвіта». Эти тоже очень старались. А на их собраниях стены залов заседаний украшались портретами «борців за волю України» — Ивана Мазепы, Тараса Шевченко, Симона Петлюры и... Адольфа Гитлера. Наличие портрета последнего не должно удивлять. Именно на фюрера, лидера самой мощной в то время западной державы, уповали и возлагали свои надежды наши «національно свідомі діячі».

Важным направлением деятельности оккупационных властей стало проведение принудительной украинизации. Любопытно, что сами гитлеровцы считали украинский не самостоятельным языком, а некоей пестрой смесью из других языков. Но, презирая в душе украинцев, тем упорнее стремились к его насаждению. Еще любопытнее, что при всем этом фашисты отдавали должное своим предшественникам на ниве украинизации — большевикам. В документах оккупантов отмечалось, что благодаря национальной политике советской власти в Украине «украинский язык тут теперь является распространенным больше и звучит чаще, чем до мировой войны» (имелась в виду Первая мировая).

И, отдавая должное украинизаторским заслугам врагов-большевиков, гитлеровцы их дело продолжали. «Задача состоит в дальнейшем распространении украинского языка как официального по мере создания для этого предпосылок», — отмечалось в подписанной Кохом директиве «Об использовании языков в Украине». Согласно ей украинский должен быть языком работы всех местных органов управления, использоваться во всех учреждениях (кроме, разумеется, немецких). Только на нем должно было осуществляться преподавание в школах. Исключение допускалось лишь для местностей с преобладанием польского населения. Там разрешалось употреблять на уроках польский язык. Что же касается языка русского, то его применение в системе образования категорически запрещалось. Кох объявил нецелесообразным даже простое изучение этого языка в школах.

Правда, оккупанты констатировали, что попытки «утвердить украинский язык как единственный употребляемый встречают сопротивление, поскольку — особенно в городах — большинство населения издавна разговаривает по-русски». Однако нацистов данное обстоятельство не останавливало. Вынужденная использовать для общения с жителями русский язык, оккупационная администрация подчеркивала, что это временная уступка. В упомянутой директиве отмечалась необходимость на всей территории рейхскомиссариата различными мерами (включая репрессивные) стремиться «к вытеснению русского языка». (И вновь-таки — ничего не напоминает?)

В дальнейших планах гитлеровцев предусматривалось создание формально независимого украинского государства, которое тут же присоединилось бы к Берлинскому пакту — так назывался доминирующий тогда в Европе военный блок (или, как сказали бы теперь, «система коллективной безопасности»). Интересно, что все входившие в тот блок европейские страны (за исключением Финляндии) присоединились ныне к другому пакту — Североатлантическому (т.е. к НАТО). И Украину кое-кто старательно тянет туда же. Так что аналогию можно найти и здесь...

Такие вот исторические параллели. Впрочем, параллели ли? Ведь параллельные линии никогда не пересекаются. Между тем, не исключено, что и тогдашние, и современные русофобы пользовались планами, разработанными в одном центре. Слишком уж все похоже. Отличия, конечно, тоже есть. Скажем, поскольку сегодня самой мощной страной в мире является не Германия, то и ориентируются наши «национально сознательные деятели» не на Берлин, а на столицу другого западного государства. И должность рейхскомиссара Украины теперь называется по-другому. Но это, как говорится, дело десятое...